

С. А. Рогинко¹

ПРОБЛЕМА КЛИМАТА — ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ ИЛИ КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?

Проблема изменения климата, если подходить к ней корректно, имеет все основания для того, чтобы стать полем глобальных усилий, объединяющих все человечество в борьбе с общей опасностью.

Во-первых, проблема существует объективно и не принадлежит к распространенному в наше время типу виртуальных угроз (к которым можно отнести такие, как грипп А1Н1, «Аль-Каиду» и др.). Потепление и похолодание на планете — циклические процессы, происходящие на протяжении миллионов лет, и адаптация человечества к ним неизбежна, если оно намерено существовать дальше и развиваться.

Во-вторых, проблема касается всех стран, и разнообразие географических и иных природных условий в странах мира приводит к многообразию эффектов, вызываемых в каждой из них потеплением, что само по себе является масштабной задачей. Изучение этих эффектов, прогнозирование их последствий, выработка и реализация стратегий адаптации потребует мобилизации всего научно-технического потенциала, которым располагает человечество, и затраты немалых средств. Уже имеющиеся данные и прогнозы подтверждают, что данная проблема не делит страны мира на выигравших и проигравших, и это позиционирует проблему как общую беду, с которой человечеству следует бороться, объединившись.

Но на этом центростремительный потенциал проблемы заканчивается — дальше в дело вступают центробежные силы геополитических амбиций и экономических интересов ведущих держав. Они и определяют базовые форматы фундаментальных и прикладных исследований, ведущихся по данной проблеме, заранее задают их выводы и рекомендации, выдвигаемые мировому сообществу для принятия решений по проблеме.

Чтобы нагляднее представить действие механизмов трансформации проблемы климата из средства формирования общих интересов человечества в «яблоко раздора», провоцирующего межцивилизационные конфликты и раскол между «золотым миллиардом» и развивающимся миром, последуем старинному римскому принципу «*Qui prodest?*». Выявить сторону, в наибольшей степени заинтересованную в вынесении проблемы на высший политический уровень, нетрудно: это Евросоюз, на протяжении последних лет 15 позиционирующий себя как лидер в продвижении в мировом сообществе темы глобального потепления.

Интересы ЕС как заинтересованной стороны в этом вопросе легко просматриваются из самой версии проблемы потепления, представляемой Евросоюзом и навязываемой в качестве базовой все-

му человечеству. Прежде всего, потепление интерпретируется как доселе небывалая проблема, с которой человечество еще не сталкивалось. Кроме этого, с каждым новым прогнозом ожидаемое повышение температуры увеличивается, а сроки этого повышения — сокращаются. Последние прогнозы рисуют картины беспрецедентных катастроф, вызываемых в мире потеплением в самые ближайшие десятилетия. Но самое главное в том, что в качестве основной причины глобальных бедствий признается деятельность человека, и прежде всего выбросы углекислого газа.

Такая картина однозначно определяет характер предлагаемых человечеству действий: масштабные сокращения выбросов CO₂, повсеместное внедрение энергосберегающих технологий и типов оборудования, переход на альтернативные виды топлива и энергии. Эти решения предлагались Евросоюзом на уже имеющейся в его странах технической базе, с опорой на собственные модели энергосберегающего оборудования, в производстве которых к началу 1990 годов страны ЕС заняли ведущую позицию. Если учесть, что в случае признания такого подхода правомерным ускоренной модернизации в мире подлежат тысячи предприятий с оборудованием стоимостью в триллионы долларов, то нельзя не признать, что забота Евросоюза о климате как минимум хорошо экономически мотивирована.

Еще понятней геополитическая подоплека лоббируемых Евросоюзом лимитов на выбросы CO₂. Фактически тем самым ставятся вне закона все важнейшие виды человеческой деятельности, такие как производство и потребление топлива и энергии, промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Лимиты на CO₂ для любой страны — это лимиты на ее развитие, и для уже вполне развитых стран Старой Европы к 1990 годам введение их в глобальном масштабе — это страховка от появления новых сильных конкурентов в Азии или Латинской Америке.

Эта логика Евросоюза была понятна развивающимся странам еще в ходе переговоров по Рамочной конвенции ООН об изменении климата, принятой в 1992 году. В дальнейшем, в ходе подготовки Киотского протокола в 1997 году они однозначно заявили о своем нежелании принимать на себя любые обязательства по сокращению национальных выбросов парниковых газов. В итоге такие обязательства в рамках Протокола были приняты только для развитых стран и для стран с переходной экономикой, таких как Россия и Украина. Развивающиеся государства оказались в льготном положении, в том числе те, которые по уровню доходов на душу населения сопоставимы с Россией и Украиной или превосходят их, например Южная Корея, Турция, Мексика, Южная Африка и др. Этот дисбаланс в обязательствах до сих пор дает основания судить о Киотском протоколе как о несправедливой конструкции.

¹ Руководитель программы экологических исследований Института Европы РАН (Москва), кандидат экономических наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч. книг: «Японский парадокс (реальности и противоречия капиталистического управления)», «Киотская рулетка: призы и ловушки Киотского протокола» и др.

Именно это определило выход из Протокола в 2001 году. США. Сделав несколько безуспешных попыток по демонтажу Протокола, Штаты со временем снизили свою активность и оценили преимущество позиции стороннего наблюдателя. Их прагматический подход состоит в том, чтобы не мешать другим странам вводить дополнительную нагрузку на свою экономику в виде затрат на повышение энергоэффективности, тем самым добиваясь снижения мирового спроса на топливо и повышения его доступности для США. Как было сказано в заявлении Торговой палаты США, «речь, собственно говоря, идет не о климате, а о путях обеспечения США долгосрочными надежными поставками дешевой энергии».

Что это означает на деле? Формула проста: обязательства других стран по снижению выбросов парниковых газов могут не только вызвать падение мировой потребности в углеводородном топливе, но и спровоцировать снижение цен на него. Этот двойной эффект достигается, в частности, за счет европейских налогоплательщиков, оплачивающих громадные дотации на ветроэнергетику, биотопливо и другие виды «чистой» энергии, что тоже в интересах США. Снижение конкурентоспособности европейских товаров, вызываемое подобными мерами, может несколько улучшить американский торговый баланс.

Гораздо важнее, с точки зрения США, вовлечение в гонку по снижению выбросов своего главного геополитического конкурента — Китая. На это Вашингтон не жалеет никаких сил, по нарастающей продуцируя форматы охвата Китая сотрудничеством в области изменения климата. Формально это мотивируется озабоченностью по поводу роста китайских выбросов, достигших 6,8 млрд тонн CO₂-эквивалента в 2008 году (увеличение на 178 % по отношению к 1990 г.), что серьезно превышает американские показатели — рост на 17 % за тот же период и общий объем — 6,4 млрд тонн в 2008 году¹. Фактически же ставка на климатическую тему делается для того, чтобы создать легитимные рамки для ограничения китайского экономического роста — предмета первоочередной озабоченности США. Попытки достичь договоренностей с Китаем предпринимались в ходе визита в Пекин многочисленных миссий, главной из которых стала миссия спецпредставителя президента США по климату Т. Стерна (июнь 2009 г.). Американские меры зондажа позиций, имеющие цель «вывести» Китай на какие-либо подтвержденные намерения лимитировать выбросы парниковых газов даже в отдаленном будущем, не имели успеха в Пекине. В частности, Т. Стерн пытался убедить китайское руководство в необходимости запланировать «пиковый год» роста выбросов в Китае, за которым по идее должно последовать их снижение. В итоге Стерн отрапортовал о том, что мысль «принята китайским руководством к рассмотрению», а официальный представитель Пекина ничем это не подтвердил, заявив, что Китай нуждается в росте производства и, соответственно, выбросов.

Не изменил ситуацию и прошедший в октябре 2009 года визит в Китай Б. Обамы, в котором пере-

говоры по проблеме климата занимали важное место. Тогда главной темой стал не вопрос о количественных ограничениях выбросов Китаем, который уже дал понять, что согласится только на относительные показатели снижения типа энергоэффективности и уменьшения удельных выбросов на единицу ВВП. Разговор шел о том, каким образом такое снижение будет подтверждаться на международном уровне. По мнению США, в стране с такой низкой степенью прозрачности как Китай необходим независимый мониторинг, подтверждающий национальные усилия по ослаблению карбооемкости, в противном случае китайским мерам трудно будет обеспечить международную легитимность.

Для укрепления позиции Обамы на переговорах, Пекину был недвусмысленно сделан намек на возможность введения «углеродных» торговых санкций. В частности, законопроект по вопросам климата, обсуждаемый ныне в Конгрессе США (так называемый закон Вэксмана—Марки) позволяет вводить дополнительные тарифы на товары из стран, которые не ограничивают свои выбросы ПГ. Как пояснил один из авторов этого законопроекта, конгрессмен-демократ от Массачусетса Э. Марки, «если Китай или любая другая страна полностью берет на себя роль партнера в глобальных усилиях по климату, эта страна должна ввести режим транспарентности и проверки своих мероприятий по сокращению выбросов». И хотя Китаю были сделаны немалые уступки в виде согласия США с относительными сокращениями выбросов вместо абсолютных лимитов, на предложения США последовал отказ. «Размен» не состоялся.

В ответ Китай развязал массивную идеологическую кампанию, в которой пекинские марксисты быстро нашли применение любимому детищу ЕС — легенде об антропогенной природе глобального потепления, отводящей промышленному развитию роль главного виновника грядущих всемирных бедствий. Китай настаивает на исторической ответственности за выбросы, возводя вину за потепление всецело на промышленно развитые страны. Тем самым на новой реальности реанимируется старая идея о капитализме как главном источнике бедствий развивающихся стран (к которым официально причисляет себя и Китай). При этом капиталистические страны-виновники (по крайней мере, в лице Европы) в данном случае не отрещиваются от вины — напротив, они ее всячески признают и демонстрируют желание возместить нанесенный ущерб деньгами. Убедившись в этом, Китай идет дальше, повышая уровень агрессивности своей риторики. В частности, накануне саммита «восьмерки» в японском Токио в 2008 году Пекин на официальном уровне ввел понятие «климатических преступлений» и «климатических преступников». Под последними подразумевались только развитые страны, и Евросоюз ничем не ответил на такую откровенно враждебную постановку вопроса.

Тогда на Бангкокском раунде переговоров ООН по климату (октябрь 2009 г.) был проведен «Климатический трибунал азиатских народов». На заседаниях Трибунала, организованных в здании городского суда Бангкока, Китай, Индия и другие развивающиеся

¹ См.: <http://in.reuters.com/article/worldNews/idINIndia-43515920091029>

страны определили, что развитые страны обязаны делать прямые выплаты развивающимся странам в качестве компенсации за изменения климата. Свидетелями выступали крестьяне из Таиланда и Бангладеш, горец из Непала и другие столь же «квалифицированные» в решении подобных стратегических вопросов эксперты. В зал суда для участия в этой акции, напоминающей «пятиминутки ненависти» времен «культурной революции», были вызваны дети из ряда развивающихся стран. В итоге суд приговорил страны «Большой восьмерки» к созданию «глобального адаптационного фонда с достаточным объемом финансирования для помощи бедным странам».

Фактически речь идет о серьезном политическом просчете ЕС, который сам загнал себя в ловушку собственной «климатической» идеологией. Новая платформа Китая не оставляет Евросоюзу даже возможности «сохранить лицо»: из главного инициатора мер по спасению планеты ЕС оказывается в позиции обвиняемого. Его дотации в адрес Китая и «третьего мира» начинают рассматриваться как ничтожные подачки на фоне огромных исторических долгов. Поэтому первым требованием Китая на переговорах по климату становится принятие развитыми странами масштабных обязательств по сокращению выбросов. Масштабы должны быть такими, чтобы ни одна из развитых стран (включая Россию) не смогла бы их выполнить собственными силами. Это должно обеспечить массовый гарантированный спрос на квазисокращения из Китая и развивающихся стран по линии проектов чистого развития и надолго превратить развитые страны в финансовых доноров. Такая постановка вопроса, безусловно, привлекательна для развивающихся стран и позволяет Китаю фактически выступать на переговорах по климату в рамках ООН в роли лидера всей этой страновой группы, поддерживающего в ней редкий уровень единства взглядов и координации действий на всех переговорных и параллельных мероприятиях.

Конкретные цифры обязательств развитых государств, на которых настаивают представители Китая и группы развивающихся стран, постоянно повышаются весьма быстрыми темпами. Если в совместном заявлении Китая, Индии, Бразилии, Мексики и Южной Африки по итогам саммита «Восьмерки» в Токио предлагалось к 2020 году сократить выбросы в развитых странах на 25–40 % по сравнению с 1990 годом, то на Конференции сторон РКИК ООН в Познани фигурировали цифры в 40 % снижения. На Боннских переговорах по климату (апрель 2009 г.) требования выросли до 45 % снижения, а уже на следующих, Боннских переговорах (июнь 2009 г.) развитым странам было предложено к 2020 году сократить свои выбросы на 79,2 % по отношению к 1990 году. Каких-либо обоснований таких цифр не приводится, и их, по всей вероятности, не существует.

Китай и группа союзников наращивают успех, бросая вызов развитым странам на новых участках «климатических» переговоров. Накануне Конференции ООН по климату в Копенгагене (декабрь 2009 г.) развитым странам (в рамках их «исторической ответственности») было предложено обеспечить финансирование адаптации развивающихся стран к из-

менению климата в размере \$ 200–300 млрд в год или 2 % от ВВП каждой развитой страны в год. Последнее означает для России выплату своеобразной «дани» развивающимся странам в размере \$ 300–400 млрд в период 2013–2020 годов. При этом никаких расчетов, подтверждающих необходимость именно таких размеров финансирования (беспрецедентных в истории человечества), не приводилось. В качестве дополнительных потенциальных источников доходов для развивающихся стран предлагались также весьма болезненные для отечественного ТЭК меры как введение специальных налогов на продажу нефти, газа и других видов топлива, а также на международные морские и авиационные перевозки. На размер этих запросов не повлияло даже выступление представителя США, пытавшегося предостеречь от несбыточных мечтаний о колоссальных объемах финансирования. Китай и развивающиеся страны пытаются полностью сменить идейную базу переговоров, отбрасывая положения Конвенции ООН об изменении климата и заменяя их своими идейными клише, такими как «историческая ответственность» развитых стран за изменение климата и применение принципа «загрязнитель платит» к парниковым газам. Отсутствие таких положений в Конвенции авторов подобных клише совершенно не смущает.

Еще более привлекательной перспективой для Китая стала возможность занять место Евросоюза в качестве главного поставщика энергоэффективного оборудования для предстоящей принудительной массовой модернизации предприятий под предлогом заботы о глобальном климате. Дело в том, что за последние 15 лет Китай со своим специфическим отношением к авторским правам практически полностью преодолел технологический разрыв с Европой в производстве основных видов продукции машиностроения. А следовательно, и доходы от намечающейся в будущем модернизации, формируемые европейской концепцией антропогенного потепления, могут странам ЕС и не достаться. Сопоставимая по техническому уровню китайская продукция, имеющая ценовые преимущества, с большей вероятностью будет куплена даже в Европе. В итоге вся многоходовая комбинация под лозунгом борьбы с потеплением может принести Евросоюзу не доходы, а немалые убытки. Некоторые европейские лидеры уже начинают это понимать: в частности, Николя Саркози в ходе недавнего председательства Франции в ЕС высказал идею ограничения импорта из стран, не вошедших в режим ограничений на выбросы ПГ. Какие страны здесь имелись в виду — догадаться нетрудно.

С этим багажом взаимного недоверия и противоречащих друг другу интересов страны мира пришли в декабре 2009 года к Копенгагенской конференции ООН по климату — мероприятия, планировавшегося как рубежное для достижения так называемого «глобального аккорда», всеобщего соглашения по международным усилиям в области климата на период после 2012 года. Основной водораздел в позициях пролегал между группой развитых стран и группой развивающихся стран, возглавляемых Китаем. Если последние выступали за сохранение статус-кво

(режима обязательств Киотского протокола), то основную часть развитых стран, и прежде всего США, режим Киотского протокола абсолютно не устраивал. Поэтому провал переговоров, в итоге которых фактически не было достигнуто никаких юридически значимых результатов, был во многом запланирован.

Подводя итоги трансформации проблемы климата в реальной политике последних двух десятилетий, следует отметить, что вместо реального транс-цивилизационного концепта эта проблема, в том виде, в котором она преподносится, сформировала новые линии для раскола между группой развитых и группой развивающихся стран, в том числе такие как:

— «углеродные» торговые войны с введением новых типов «климатического» протекционизма;

— несправедливые системы распределения обязательств по сокращению выбросов парников, составленные без учета реального экономического положения отдельных стран и, следовательно, усиливающие глобальную нестабильность;

— новые виды межцивилизационной конфронтации, в частности обвинения в «климатических преступлениях», «Народные климатические трибуналы» и т. д.;

— новые виды неспровоцированного агрессивного поведения развивающихся стран по отношению к развитым, такие как требования беспрецедентных

выплат под предлогом «исторической ответственности» последних за потепление.

Есть ли шанс улучшить ситуацию или концепция глобального потепления уже навсегда обречена на роль ускорителя для маховика глобальной конфронтации? Представляется, что такая возможность существует: она — в изменении способа представления проблемы мировому сообществу. Для этого у научного сообщества должна найтись решимость для разработки новой картины, более адекватно представляющей роль человечества в глобальном потеплении и саму картину потепления в XX веке. Если будет признана некорректность методов работы с базами первичных данных, приводящих к завышению показателей глобальной температуры начиная с 1980-х годов, если будут пересмотрены завышенные коэффициенты чувствительности глобальной температуры к концентрации CO_2 , то скорее всего исчезнут наиболее важные выводы: неотложность проблемы и гипотеза о возможности быстро ее решить, регулируя выбросы парниковых газов. И тогда, когда у стран пропадет соблазн накинуть использовать углеродные ограничения в качестве инструмента глобальной экономической конкуренции, проблема займет подобающее ей место в ряду реальных глобальных проблем, решаемых конструктивно, без истерии в СМИ и громких ультиматумов.